

Собеседник

Лунин Валерий Васильевич

Ведущий

Богатова Татьяна Витальевна

Дата записи

Беседа записана 13 декабря 2012 и опубликована 4 декабря 2014.

Введение

Третья и заключительная беседа с деканом химического факультета МГУ академиком Валерием Васильевичем Луниным посвящена его научной и политической деятельности в последнюю четверть XX века.

Валерий Васильевич вспоминает свою политическую активность в период перестройки и в первую половину 1990-х годов, рассказывает об избрании в Верховный совет РСФСР и своей депутатской деятельности. Ученый много говорит о 1990-х годах, ставших серьезным испытанием для образования в стране, — как ему приходилось спасать систему химического образования и проводить международные химические олимпиады, вопросы финансирования которых нужно было согласовывать на уровне президента страны, или как, например, удалось вернуть деньги химического факультета МГУ из обанкротившегося банка.

В разговоре академик много рассуждает о роли образования, положении науки в советское и постсоветское время, о советском научном туризме и современной научной эмиграции.

Татьяна Витальевна Богатова: В прошлой беседе мы осветили и научную жизнь, и общественную деятельность, теперь будет несколько вопросов разного характера. Вам довелось жить в разные времена: и в 1950-е годы, когда учились, вы видели постановку образования, научной работы — вплоть до застоя и перестройки. Постановка обучения, высшего образования и постановка научной работы: что было особенного в каждом из этих времен, какие плюсы и минусы в разные времена были и есть.

Валерий Васильевич Лунин: В советские времена образование действительно было приоритетом в государстве. Не случайно в 1949–1953 годы был построен комплекс Московского университета на Ленинских горах, по всему Ленинскому проспекту были построены научно-исследовательские институты Академии наук, в которые выпускникам попасть было очень непросто. Брели самых лучших при распределении — тогда было государственное распределение. Все это способствовало увлечению молодежи наукой, образованием, просвещением, и Московский университет в этом отношении был, конечно, уникальным центром. Он один из немногих в Советском Союзе готовил сразу научных работников. В 1953 году он открылся, а в 1956 году я закончил школу и решил, что буду учиться только на химическом факультете Московского университета, нигде больше. Закончив школу в селе Красный рог Брянской области, я поступил в Московский университет. Не сразу, со второй попытки...

Т.Б.: Но с багажом школы.

В.Л.: Да, но на основе базового образования, которое я получил в обычной сельской средней школе. Это было очень, как говорится, обычно. Московский университет всегда оставался государственным, он не стал городским, московским, он всегда государственный. В ту пору у нас на курсе было до половины студентов из разных уголков Советского Союза, из республик Советского Союза, и это было замечательно. Конечно, сама атмосфера способствовала не только хорошей учебе и развитию интереса к науке, но и тем огромным возможностям знакомства с культурой, искусством, которые Москва открывала для молодежи. В ту пору все писали, что самая читающая страна — это Советский Союз. В период застоя наука развивалась тоже, и об этом свидетельствуют все достижения нашей советской науки в разных направлениях деятельности: это и первая атомная электростанция, это и первый атомный ледокол, это и первый спутник, это и первый космический корабль. Полет Гагарина — это вообще, весь университет проснулся и, не задумываясь, пошел на Красную площадь. Это было событие просто планетарное.

Т.Б.: Да, это действительно планетарное событие.

Особенности научного туризма

В.Л.: И мы гордились этим, понимая, что много сложностей. Главная сложность была в том, что руководители государства видели, что мир живет по-другому, и наука развивается, но контакты были ограничены. Была группа ученых, которая всегда могла выезжать, а для остальных был научный туризм: тебе меняли 30 рублей, давали немножко денег, а дальше — талоны на питание... И никто не понимал, что такое научный турист на международной конференции. Когда уже начала выявляться активная позиция во всех государствах в соцлагере — за перемены... Например, мы приехали в Марианские Лазне в Чехословакию на нефтяной конгресс.

Т.Б.: В каком году?

В.Л.: Это был уже 1978 год... нет, даже позднее — 1982 год. Нашей делегации отвели стол как для научных туристов, а все другие были нормальными.

Т.Б.: Участниками конференции. (Смеется.)

В.Л.: Участниками конференции, да. И когда поляки как-то сели за наш стол, я подошел и сказал: «Знаете, этот стол специально для советской делегации». — «Что значит специально для советской делегации?» — «Потому что мы научные туристы. Вы можете за любым столом есть, а мы только за этим». — «А, у вас

всегда, — говорят, — все не как у других. (Смеется.) Ничего подобного, мы будем сидеть за этим столом». Мне пришлось обратиться к организаторам, чтобы те объяснили, что такое научный туризм. У нас отдельное меню, у нас отдельный стол. И это конечно, очень и очень сильно...

Т.Б.: Мешало.

В.Л.: Мешало нормальным взаимоотношениям с нашими коллегами, даже из ближних к нам государств. Но в ту же пору были советско-японский семинар по катализу, советско-американские семинары по катализу. Контакты устанавливались, и все медленно, медленно развивалось, хотя, конечно, можно было и быстрее.

Т.Б.: Наверно, мешала привычка к железному занавесу?

В.Л.: Да.

Железный занавес, он постоянно давал о себе знать. Скажем, самая дальняя страна, куда я мог поехать в ту пору, была Финляндия.

И в 1980 году, в 100-летие со дня рождения Владимира Ильича...

Т.Б.: В 1970-м.

В.Л.: В 1970-м, да. Была делегация комитета комсомола, и я в первый раз был в капиталистической стране — в Финляндии.

Т.Б.: Расскажите о своих впечатлениях, пожалуйста.

В.Л.: Конечно, финны испытывали и испытывают особую благодарность Владимиру Ильичу за то, что Финляндия получила независимость и право нации на самоопределение вплоть до отделения, которое было провозглашено в программе большевиков. В отношении национальной политики оно было реализовано прежде всего на примере Финляндии, и очень удачно, поэтому и музей в Тампере до сих пор цел, и благодарность народа.

Т.Б.: Ну да, свободу дал.

В.Л.: Все было удивительно. А дальше не пускали по одной простой причине: скажем, обсуждалась книга Леонида Ильича «Малая земля» у нас на партийном активе химического факультета, даже на Ученом совете, по-моему, расширенном. Я выступил и сказал, что ничего удивительного нет, что мы обсуждаем. У меня отец воевал, брат погиб на фронте. Отец прошел три войны: и Финскую, и Великую Отечественную и Японскую. Это обычное, так сказать, мужское дело.

Т.Б.: Обычный путь.

В.Л.: Да, а Леонида Ильича где-то там выбросило из лодки. Да, он молодец, повел за собой солдат как политрук.

Т.Б.: Но таких тысячи были.

В.Л.: Да, но это весь народ, война-то была народная, Великая Отечественная война. Но мне было сказано: вы, наверное, что-то не понимаете, я и ушел. После этого я уже не мог рассчитывать поехать в какую-нибудь страну дальше Польши или Болгарии, в крайнем случае Чехословакии. Это надолго. Конечно, когда началась перестройка, 1985 год, появилась великая вера, что вот теперь будет у нас социализм с человеческим лицом, человеческий фактор, что Михаил Сергеевич, молодой, образованный...

Т.Б.: Понимающий.

надежды конца 1980-х

В.Л.: ...выпускник Московского университета. Он соберет команду, которая позволит резко изменить курс и реально осуществить перемены. Но уже это было практически невозможно, потому что партия стала политической силой, партия власти, в полном масштабе этого слова. Ничего другого не существовало, и потребовалась большая работа, причем она была во всем обществе. У нас был центр на химическом факультете, я был членом парткома в ту пору.

Т.Б.: Это конец 1980-х годов?

В.Л.: Да, у нас вступило много молодых сотрудников, потому что партийная организация эти перемены декларировала и проводила. Мы писали письма Михаилу Сергеевичу о том, что надо менять...

Т.Б.: Многое.

В.Л.: Да, многое. И прежде всего партия не должна быть...

Т.Б.: Элитарной, оторванной.

В.Л.: Да, единственной, узурпировавшей власть. Другие общественные организации должны участвовать тоже. Ответы были, но неутешительные, у меня была встреча с Анатолием Ивановичем Лукьяновым. Я спросил: «Анатолий Иванович, какова стратегия в дальнейшем развитии нашей страны? Коммунисты интересуются». Он говорит: «Читайте решения пленумов, выступления Михаила Сергеевича, и вы поймете». Ничего нельзя понять из этих выступлений и решений. Тогда мы организовали движение секретарей первичных партийных организаций Москвы, и у нас по субботам в Южной химической аудитории собиралась масса народу, где мы вырабатывали предложения по изменению роли партии в обществе и во власти. Это было очень мощное движение. Затем была создана Демократическая платформа в КПСС, куда вошли молодые люди, руководители партийных организаций первичных, и на партийной конференции перед XXVII, заключительным, съездом, я был делегатом городской конференции, и мы с Александром Николаевичем Яковлевым, который был большим двигателем перестройки и опорой Михаилу Сергеевичу, давали интервью радиостанции Би-би-си.

” Я сказал: «Александр Николаевич, единственная возможность сохранить страну — это разделить КПСС на две партии. Вот консервативное крыло, а вот Демократическая платформа, она объединит молодых людей, которые действительно хотят перемен и видят по-другому роль партии в жизни общества».

Он сказал: «Что вы говорите, Михаил Сергеевич мне вторую ногу оторвет (смеется), одну ногу, — говорит, — я на фронте повредил».

Все это не состоялось, к сожалению, и когда было решено созывать Съезд народных депутатов СССР, у меня уже было последнее предложение — собрать Съезд народов СССР, Съезд представителей народов СССР и определить, как дальше будет развиваться страна. Мы тоже с Анатолием Ивановичем это обсуждали, но...

Т.Б.: К конструктивным решениям...

В.Л.: Михаил Сергеевич сказал: он химик, пусть занимается своей химией. И дальше последовало то, что последовало. Очень мощное движение за перемены, за отмену седьмой статьи конституции о руководящей роли партии. Были огромные митинги, в которых я участвовал, были выборы народных депутатов СССР. Тогда практически весь университет выдвинул Алексея Михайловича Емельянова, профессора экономического факультета. Он был избран, я был руководителем его штаба. После этого были объявлены выборы в Верховный совет РСФСР, выдвинули меня. Была долгая конференция,

несколько дней, в Московском университете. Претендентов было очень много. Но благодаря, я думаю, студентам и молодежи, и, конечно, всем факультетам, выдвинули меня от Московского университета, еще одной из организаций первого округа, поэтому у меня было депутатское удостоверение номер один. Хасбулатов спрашивает: «Как тебе удалось?» — «По благу», — говорю. (Смеется.) На самом деле у нас был Ленинский округ избирательный.

Работа в Верховном совете РСФСР

Т.Б.: Ну да, он и так первый.

В.Л.: Да. Опять же были избраны люди не случайные, но очень-очень достойные, в подавляющем большинстве своем. У нас была фракция «Демократическая Россия», она объединяла очень большое количество и молодежи и людей более взрослых. И мы старались вести линию демократическую, и на избрание Верховного совета, и на избрание руководства Верховного совета. Здесь тоже были надежды и первые шаги, когда, по-моему, с третьего раза, Бориса Николаевича выбрали в конце концов председателем Верховного совета Российской Федерации, а затем этот путч.

” **Страх много в обществе было: «Что же будет с Родиной и с нами?» Тогда первый указ президента Российской Федерации был связан с приоритетом образования, затем мы после путча подготовили указ об особом статусе Московского университета — и объектов национального достояния России.**

Номер один — Кремль как основа государственности, номер два — Московский университет как основа образования — культуры — просвещения, дальше Большой театр, Эрмитаж. Вначале было одиннадцать объектов национального достояния, затем список расширился, это тоже была положительная деятельность. Очень было сильное движение ряда депутатов Верховного совета России за создание Российской Академии наук.

Т.Б.: Это еще во времена Советского Союза?

В.Л.: Нет, уже все, Союз распался, 1991 год.

Т.Б.: Все равно нужно было вместо АН СССР что-то делать. А почему за это приходилось ратовать, ведь само по себе необходимо это было.

В.Л.: Я помню, когда был последний Съезд народных депутатов СССР, когда выступал Андрей Дмитриевич Сахаров с призывом к Михаилу Сергеевичу осуществить ряд реформ, которые позволили бы сохранить страну, где он был освистан и фактически удален с трибуны, было уже понятно, что... И после путча, когда состоялся Беловежский сговор, хотя был референдум проведен, 70% населения высказались за сохранение Союза, но движения за независимость друг от друга оказались сильнее, и руководители республик стали президентами новых государств. Тут стало все перестраиваться и в России, в частности, была большая группа депутатов, которая решила, что надо создать Академию наук российскую, закрыв Академию наук СССР.

Судьба Академии Наук

Т.Б.: Но если СССР нет, в общем-то, это логично...

В.Л.: Ясно, что этого делать было нельзя!

Т.Б.: А как же это сохранить, если государства уже разные?

В.Л.: Понимаете как, ведь Академия наук была изначально Петровская российская академия наук, затем она постепенно, по мере развития Советского Союза и открытия академий национальных республик... Российской академии так и не было! Была Академия наук СССР и были академии наук республик.

Т.Б.: Да, Академии наук РСФСР не было.

В.Л.: Уже когда почти было все готово к разрушению, уже был депутатом Китаев, президент-организатор Российской академии наук, в этот момент удалось убедить Бориса Николаевича, что вопрос не готов для рассмотрения. И наш комитет по развитию науки предложил сохранить Академию наук СССР и провести одновременно выборы, дополнительные, в члены Академии российской, трансформированной из Академии наук СССР, за счет российских членов академии в Академию наук России. Этот проект был осуществлен.

Т.Б.: То есть фактически академиками РАН стали те...

В.Л.: Те члены академии, которые представляли Россию, и дополнительно, кто был избран. Я не помню, то ли 20, то ли 30 человек.

Т.Б.: А те, кто были, допустим, из союзных республик? Члены большой Академии, они остались ими?

В.Л.: Нет. Это было осуществлено, все сразу встало на свое место: сохранены институты, сохранены коллективы, потому что по-другому нельзя было сделать. И это, я считаю, было очень важным решением Верховного совета России. Вообще первый депутатский корпус, он реально был избран. У нас в университете было человек 20, наверно, кандидатов в депутаты. В округе нас было человек, наверно, 15. И тоже люди были самые разные. Висели плакаты на Комсомольском проспекте: «Если вы хотите пить грязную воду, дышать грязным воздухом, голосуйте за профессора Лунина» (Смеется.)

Т.Б.: Это кто же вешал такие плакаты? Конкуренты?

В.Л.: Да, было много таких людей. Но опять же, я считаю, что наша молодежь очень активно поработала, студенты. Уже меня многие знали, я выступал во Дворце молодежи, во всех коллективах округа. Единственный округ, где я проиграл, это был Кремль. Меня туда просто не пускал никто. И мне пришлось обратиться к Анатолию Ивановичу Лукьянову, что у всех кандидатов должны быть равные права, и я должен выступить перед солдатами. Когда я пришел туда, оказалось, что почти все солдаты в нарядах, там сидели человек 30. Я рассказал, что, как и почему. И там я немножко, процента два—три уступил кому-то из претендентов. Но в итоге я был избран и три года работал очень активно. Я никуда не ушел, а в 1992 году, в апреле, опять же на альтернативной основе я был избран деканом. Вот уже 20 с лишним лет работаю. И в это время, конечно же, образование рушилось.

Разрушение образования в 1990-е годы

Т.Б.: В 1990-е?

В.Л.: Да. Первое десятилетие, 1990-е годы, было страшное. Вузы не получали стипендию, вузы не получали зарплату, единственный университет, который держался, — это мы, поскольку мы были объектом национального достояния, мы были автономны от министерства — тоже великое дело. Нам удалось сохраниться. И все деканы, когда приезжали к нам на УМО...

Т.Б.: Да, из других университетов, деканы химфаков.

В.Л.: ...из других университетов, все говорили: «Валерий Васильевич, пока шпиль виден, мы верим, что образование сохранится, держитесь». Нам удалось сохранить — не просто сохранить, но и развивать образование, новые программы вводить, соответствующие уже изменениям самого предмета и достижениям науки.

Т.Б.: Что удалось, начиная с 1990-х годов, ввести такого, чего не было в советские времена?

В.Л.: Открывались новые специализации в университетах России, скажем, по фундаментальному материаловедению, медицинской химии, по защите окружающей среды, такая специализация была.

Т.Б.: Исследования безопасности производств. Раньше как-то не фигурировало...

В.Л.: Да. Вводились новые курсы, новые программы, и это все соответствовало мировому уровню. Несмотря на то что оборудование было устаревшее во всех университетах, поскольку последние лет 25 в советские времена...

Т.Б.: Крупных закупок...

В.Л.: ...крупных закупок, крупных переоснащений практикумов и лабораторий не было.

Т.Б.: Да.

В.Л.: И это было серьезное препятствие на пути развития науки, но нам, химикам, удалось сохранить, во-первых, единство рядов, научных и промышленных, хотя научно-технические институты закрылись, отраслевые. Это тоже большой удар был по науке. У нас единственный раз, в 1998 году был большой... Но он был по всей стране, когда дефолт был объявлен, а перед этим тот же Кириенко предложил мне войти в состав правительства и заняться социальными проблемами, образованием, медициной, наукой. Я сказал: «Ну как же так, Сергей Владиленович, я против того, что вы говорите, вы не всегда четко представляете...»

Т.Б.: Что за этим стоит.

В.Л.: ...что такое образование, что такое наука. И я буду вашим противником, как же я буду работать с вами?" Он говорит: «Нет, мы опросили очень многих людей...» А перед этим Виктор Антонович сказал: «Валерий Васильевич, я сдал на вас документы, вам будет предложена высокая должность». Я говорю: «Я все равно не уйду из университета, Виктор Антонович». — «Ну, меня попросили, я это сделал». И я пишу: «Я неподходящий для вас человек. И потом вы долго не проработаете». Вот с таким подходом.

Т.Б.: Так оно и оказалось. (Смеется.)

В.Л.: Но перед этим я у него спросил, это было примерно в апреле или мае. Я спросил: «Интертэк-банк — мощный банк, топливно-энергетический комплекс. Как вы думаете, он устойчив?» Он говорит: «Самый устойчивый в нашей стране из коммерческих банков». А в этом банке были химический факультет, физический, мехмат, ВМК, — самые крупные факультеты. И когда был дефолт... Это ужасно. Ужасно!

” Летние стипендии, отпускные — все деньги были там, и факультет не мог их получить, платежки уже не оплачивались, банк был объявлен банкротом, было введено внешнее управление.

Я не мог найти президента банка, а до этого мы дружили и поддерживали стипендии банка для наших студентов. А тут все исчезло в один день. Я ездил и к Скуратову, он был генеральный прокурор, и к Дубинину, он был представитель Центрального банка: «Как же так? Государство не может защитить Московский университет!»

Т.Б.: Выручить деньги.

В.Л.: Да. Мне все говорили стандартную фразу, что все будет по закону: сначала получают физические лица компенсацию, а потом организации. «И какую же компенсацию?» — «Вам дадут какую-то вычислительную технику, может быть, автомобили». — «Зачем они нам нужны?»

Т.Б.: Людям зарплату надо.

В.Л.: Людям зарплата нужна летняя, людям стипендии нужны.

Т.Б.: Удивительные времена были.

В.Л.: Да. Удивительное время. Перед государством люди оказались беззащитны. И само государство не стремилось защитить этих людей. И тогда уже я пришел к Сергею Николаевичу Красавченко, он был первым заместителем главы администрации президента, изложил ему ситуацию, и он вызвал начальника налоговой полиции. Сказал найти президента банка. Они в прошлую субботу перевели 12 миллиардов в резерв Центрального банка, в резервный фонд. Пусть отдадут деньги университету. У нас была такая задержка. Вот здесь, в кабинете, сидели представители физического факультета, и ВМК, и мехмата. Мы думали, как же...

Т.Б.: Как быть в такой ситуации.

В.Л.: Практически все деньги были возвращены: и валютные, и контракты, и зарплаты, и стипендии — все получили. Вот это, конечно, был тяжелый случай.

Т.Б.: Но какгодились ваши связи! (Смеется.)

Химические олимпиады

В.Л.: Они еще не разгодились. О реактивах я рассказывал уже. 1996 год — первая олимпиада, международная, 43 страны[участницы]. Перед этим, за пять лет, Черномырдин Виктор Степанович говорит Виктору Антоновичу, что надо провести Всемирную олимпиаду по химии. Виктор Антонович говорит: «Беретесь?» Я говорю: «Но там же деньги нужны». Черномырдин сказал: «Деньги — не ваша забота, а забота государства. Вы проведите». Я сказал: «Провести-то мы проведем». И уже олимпиада, уже все едут к нам. Мы с Виктором Антоновичем встречаемся с Виктором Степановичем.

Виктор Степанович говорит: «Какая олимпиада?! На выборы президента денег нет. Вы что, с ума сошли?! Все. Отменяйте». Я говорю: "Но это же позор, Виктор Степанович. Позор!"

Наши дети побеждают все время, наше химическое образование славится в мире. Вы что в самом деле делаете!" — «Нет, денег не будет». Мы пошли к Кинелёву, он был первый вице-премьер, министр образования. Говорим: «Владимир Георгиевич, так и так». Он говорит: «Валерий Васильевич, найдите себе спонсоров». Я говорю: «Где же я на шесть миллионов долларов найду спонсоров?» Говорит: «Я не знаю». После этого, 29 апреля, я написал письмо на имя Бориса Николаевича, пришел к Сергею Николаевичу Красавченко и говорю: «Сергей Николаевич, посмотрите». Я изложил все последствия, которые...

Т.Б.: Нас ожидают.

В.Л.: Печальные для нас, что нас вообще исключают из олимпиады, мы не будем больше участвовать какое-то время. Сергей Николаевич: «Я не могу вам помочь, сейчас я к нему зайду, он Лукашенко ждет, может быть, он вас примет». Потом пришел и сказал: «У вас будет порядка пяти минут». — «Хорошо, спасибо». Я зашел, Борис Николаевич говорит: «Что вы давно не заходили?» — «Так к вам разве попадешь?»

Т.Б.: Да, просто так. (Смеется.)

В.Л.: «Раньше-то просто было, когда я был депутатом, а вы председателем Верховного совета. Я мог с вами встретиться почти всегда, а сейчас вы недоступны». — «Ну что вы. Сказали бы». — «Так я вот и сказал». — «Ну допустили же. В чем дело?» Я ему показал письмо, изложил. Он говорит: «У Ткаченко были?»

Ткаченко был министром образования. Я говорю: «Ткаченко хуже нашего главного бухгалтера, Борис Николаевич. Он говорит: денег нет».

Т.Б.: И не будет.

В.Л.: «Дети падают в обморок, завтраков нет. Говорит, никакой олимпиады». Я говорю: «Посмотрите, патриарх Алексей попросил у Бориса Николаевича состав нефти. Продал нефть и восстанавливает храм Христа Спасителя и еще приходы укрепляет. Давайте попросим с вами! Мы проведем олимпиаду, дети завтраки получают». Он говорит: «Нет-нет-нет. Даже не смейте звонить из моего кабинета». Поэтому, — говорю, — он плохой министр. А Кинелёв говорит, что спонсора надо найти». Он нажимает кнопку и говорит: «Владимир Георгиевич, а вот кого имели в виду, когда предложили Лунину спонсора найти?» Он говорит: «Да это Валерий Васильевич юмора не понял». — «Я его знаю давно. С юмором у него все в порядке». Он [Ельцин] говорит: «Я пишу. Деньги немалые, но олимпиаду провести необходимо. Куратором назначаю Наину Иосифовну». Дал мне ее телефон, сказал: «Если будут проблемы, звоните. Они будут стараться вас обмануть». К нам приехала сразу комиссия Министерства финансов, Центрального банка, проверили смету. Говорят: «Вы хотите практикумы ремонтировать? Нет!» Оставили из шести два миллиона долларов. Каких-то спонсоров мы действительно нашли, на подарки детям. Олимпиада осталась, в общем, в памяти тех, кто ее помнит, как одна из лучших. Так что связи — это, конечно, полезное дело. (Смеется.)

Т.Б.: Очень полезное, для олимпиады...

В.Л.: Да, это была первая олимпиада и единственная из всемирных, которые проводились в нашей новой России. А потом 2007 год, следующая была, там было немножко легче, хотя до последнего тоже неясно было.

Т.Б.: Не давали ничего.

В.Л.: Но тогда Андрей Александрович Фурсенко все-таки сумел решить эту проблему. 30% стоимости олимпиады были выделены из бюджета государства, остальное нам дали спонсоры, причем ни одна иностранная компания, ни одна наша компания не отказали в помощи олимпиаде. И она была тоже очень памятная. Такой не было нигде. На будущий год [2013-й] тоже там лежит записочка. Лежит сверху.

Т.Б.: Вот эта?

В.Л.: Да. Было дано поручение Медведевым: решить вопрос о финансировании олимпиады. Получаю письмо: «В связи с запросом Правительства Российской Федерации проинформировать о выполнении Московским государственным университетом поручения Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, аппарата Правительства Российской Федерации и Минобрнауки. Прошу срочно в течение 2–5 дней предоставить информацию по выполнению позиций, приложенных к этому письму». Позиции, конечно, прежде всего — это финансирование. Вчера мы полдня направляли письмо в Министерство финансов, передали о необходимости выделения, обоснования сметы. В пятницу у меня была встреча с министром Ливановым, где мы обсудили все проблемы, которые стоят...

Т.Б.: Перед олимпиадой.

В.Л.: ...перед олимпиадой. Тоже была обещана поддержка. Вчера я говорил с Виктором Антоновичем на эту тему. Он сказал: «Медведев дал указания поддержать, а вы теперь выполняйте, пользуйтесь этим». (Смеется.) Пока пользуемся, вся научная часть готова, культурная программа продумана, церемония открытия-закрытия тоже. Осталось одно — обеспечить финансирование этих всех событий.

Т.Б.: Продуманных вещей.

В.Л.: Да. 17 января мы встречаем Международный оргкомитет, который приедет...

Т.Б.: Проверять, смотреть...

В.Л.: ...проверить, как мы готовы. Я надеюсь, что к этому времени хотя бы будет определенность по письмам. Сейчас обращаемся опять же за спонсорской помощью, поскольку дорого. На этот раз уже будет не 40 и не 60, а 75 стран-участниц со всего мира и три страны-наблюдателя, то есть 78 государств. Это будет около полутора тысяч человек гостей со всего света. И, конечно, мы должны сделать это хорошо. Благодаря тому, что у нас система работает безостановочно, несмотря на все потрясения великие в государстве, система химических...

Т.Б.: Олимпиад.

В.Л.: Олимпиад. Я думаю, что мы справимся и с третьей олимпиадой, хотя летом была в Соединенных Штатах, и президент олимпиады Зевейл, нобелевский лауреат, я с ним встречался в Баку на международном форуме в начале октября, сказал: «Слушай, как ты мог согласиться в третий раз за это взяться?» (Смеется.)

Т.Б.: Он уже понял, да? Что это такое. (Смеется.)

В.Л.: «Я один раз [проводил], и для меня это было огромным напряжением». Я говорю: «Ахмет, еще разок, и все. Это будет заключительная моя олимпиада». (Смеется.) В целом, в этот период сменилось много министров образования, все они люди разные, по-разному относятся и к образованию, и к высшей школе. Скажем, Борис Георгиевич Салтыков старался помогать в начале 1990-х, труднейшее время было. Я к нему часто обращался. И если я звонил, всегда он перезванивал, спрашивал, что нужно, какие проблемы, и по мере возможности помогал — и мне, и нашим ученым.

Т.Б.: А по каким причинам или поводам приходилось обращаться за помощью? В чем он помогал?

В.Л.: Например, я приезжаю проводить заключительный этап Всероссийской олимпиады в Челябинск. Денег у меня нет, детей кормить нечем. Все недовольны: и дети, и преподаватели. Надо решать проблему, я ее как-то решаю с губернатором, прошу помощи и обещаю, что министерство образования вернет. Я пишу: «Надо срочно». — «Хорошо, мы это сделаем». И, как правило, делалось. Но не все так.

Потом сохранение предметного образования. Те, кто работал в школах, в вузах, это понимали. Тот же Кинелёв, он был за предметное образование, он был против Единого государственного экзамена. После него пришел Владимир Михайлович Филиппов, и началась реформа — ЕГЭ. Если посмотреть основные причины, по которым вводилось ЕГЭ: борьба с коррупцией, открытость для региональных и периферийных абитуриентов доступа в вузы, знаете...

Т.Б.: Это все какие-то химеры, по-моему.

О ЕГЭ и будущем российского образования

В.Л.: ...это все придумано. В результате сейчас широко обсуждается решение Ученого совета филологического факультета о том, чтобы прекратить, остановить разрушение гуманитарного образования, но еще раньше то же самое говорили о естественно-математическом образовании, что для страны просто надо лучшие традиции сохранить. А лучшие традиции — это единство всего естествознания. Нельзя выбирать химию или физику.

Т.Б.: Как это так — выбирать?

В.Л.: Или биологию, понимаете?

Т.Б.: А как химию без физики?

В.Л.: Человек может выбрать химию, но он не сможет быть химиком.

Т.Б.: Если он физику..

В.Л.: Если он не знает физику, если он не знает биологию.

” Сейчас понятно всем, опять же и нашим руководителям, что прорывные технологии и прорывные открытия делаются на стыке наук. Премии по химии получают физики часто.

Т.Б.: И наоборот.

В.Л.: Биологи, и наоборот. Поэтому единство естественно-математического образования, так же, как и литература и русский язык... Нельзя сделать словесность, понимаете? Сейчас наши студенты, я считаю, лучшие, потому что они в большинстве своем олимпийцы, они действительно имеют предметное образование замечательное и стремление учиться. Но ЕГЭ не учит людей думать. Вот это беда. А пишут они ужасно. Мы недавно слушали диссертацию из Физтеха в лаборатории у себя, поскольку мы были ведущей организацией. В каждом выводе, на каждой странице десятки неправильных...

Т.Б.: Запятых или их отсутствие.

В.Л.: Ошибок в словах. Это уже все, это уже проникает и в печать, и в средства массовой информации. Недавно был съезд, двадцать лет Союзу технологических университетов в России, где выступал генеральный директор Объединения машиностроения. Он сказал: «У нас в космической отрасли есть хорошие перспективы для молодых инженеров, но научите их писать по-русски, они не умеют».

Т.Б.: Там те же проблемы.

В.Л.: Да. Литературу читают очень мало. Только 30% молодежи читают художественную литературу.

Т.Б.: А как вы считаете, недостатки гуманитарного образования сказываются на работе химиков?

В.Л.: Конечно.

Т.Б.: А как они сказываются?

В.Л.: Они сказываются самым непосредственным образом. Я в свое время был долго ответственным секретарем в приемной комиссии химического факультета, и у нас всегда филологи восхищались, как наши дети пишут сочинения. Если много ошибок, они ставили двойки и ни на какие компромиссы не шли. Это очень правильно, потому что человек, делая эксперимент, должен его грамотно описать. Если он хотя бы где-то ошибется: в названии реактива, в смысле описания, в количестве или просто сделает ошибку, никто не сможет этого воспроизвести.

” Точность изложения мысли связана прежде всего с грамотностью и с умением эту мысль сформулировать. И потом в ЕГЭ нигде нет главного: в ЕГЭ нет нравственного и воспитательного признака.

Т.Б.: Воздействия.

В.Л.: Да, нигде нет. А воспитывает литература. Когда-то нам учительница у русской плиты в классе при керосиновой лампе читала...

Т.Б.: «Ваньку Жукова».

В.Л.: Да, «Ваньку Жукова» или «Войну и мир». Сидишь и понимаешь, какие были люди: Андрей Болконский, Петя Ростов.

Т.Б.: Какое впечатление сразу.

В.Л.: Как все это было. Если взять ту же «Как закалялась сталь», она тоже производила огромное впечатление, а сейчас этого нет. Сейчас самый любимый герой — это Поттер.

Т.Б.: Да, Гарри Поттер. Все волшебством делается, вдруг, неизвестно как.

В.Л.: Поэтому нельзя этого делать. Но тем не менее все это внедряется, все сокращается. Сейчас, только что, было Всероссийское совещание учителей, Российский резерв химии, школьный этап, где все учителя России говорили: «Валерий Васильевич, как же так? Десятый и одиннадцатый класс — один час химии. Зачем это сделано? Специально, чтобы дети не интересовались этим предметом? Ведь мотивация возникает при глубине изучения».

Т.Б.: Конечно.

В.Л.: И потом надо понимать, что сейчас показали где-то разлив брома, даже чтобы просто понять, что дальше делать, надо знать, что это за вещество.

Т.Б.: Да, просто гражданским людям.

В.Л.: Случай в моем селе. Сейчас мне звонили: мой ровесник, нет, даже моложе, стал выкуривать в погребе мышей на зиму и не может выйти. Жена позвала соседа, он полез туда, его тоже нет. Пока не позвали людей с противогазами, которые вытащили их, уже неживых. Если бы он хотя бы представление имел о том, что он делает...

Т.Б.: Он бы туда не полез.

В.Л.: ...он бы совсем по-другому действовал, в крайнем случае взял бы противогаз, то есть средство защиты. А на основах обеспечения жизнедеятельности, ОБЖ, этому не научишь, надо понимать предмет, сущность явлений, которые протекают.

Т.Б.: Конечно.

В.Л.: Учителя исхитряются, рассказывают, что они в пятом классе на природоведении начинают вводить элементы химии, биологии, физики. Показывать, как все это взаимодействует.

Т.Б.: Да, чтобы разбудить интерес у детей.

В.Л.: Поэтому, конечно, люди должны читать обязательно классическую литературу и грамотно излагать свои мысли. Не случайно было чистописание, не случайно была родная речь.

Т.Б.: Формулировать мысли. В общем, этому нужно учиться.

В.Л.: Как сказали те же ректоры технологических университетов на своем съезде: «Общество само по себе, а министерство образования и науки само по себе».

Т.Б.: До сих пор так.

В.Л.: Да. И этот прессинг на Академию наук, который постоянно идет, — абсолютно необъяснимый. С точки зрения здравого смысла и будущего страны: не может никакой иностранный ученый решить проблемы экономики нашей страны. Только грамотные люди, только образованные люди смогут осуществить ту экономику знаний, о которой говорил Владимир Владимирович Путин накануне избрания его президентом. Он там обосновывал все. Какие направления должны развиваться? Медицина, новые композиционные материалы, новые технологии — это все связано с химией.

Т.Б.: Да.

В.Л.: По-другому их не решишь.

Т.Б.: Никуда не уйдешь от химии.

В.Л.: И это должно понимать Министерство науки и образования.

О традициях и научной этике

Т.Б.: Валерий Васильевич, что вы переняли от своих учителей и что считаете важным передать своим ученикам?

В.Л.: Человек, работающий в науке, или тот, кто преподает, они должны прежде всего учить и детей и студентов любить химию, свою науку, любить знания, и этим нельзя заниматься эпизодически. Если я работаю деканом, моя жизнь, практически вся, проходит здесь, в университете, или в нашем филиале в Баку, или где-то еще. С теми же деканами мы связаны обязательно. Нельзя замкнуться и решать свои проблемы, обязательно нужно поддерживать связь со школами выдающимися химическими, с Казанью, например, с Санкт-Петербургом, со многими университетами, с Иркутском. Да со всеми университетами. Когда у нас собираются 80 деканов, это все единое понимание своей роли и в сохранении образования, и в развитии. Именно эти, я считаю, учебно-методические объединения сохранили образование. В одиночку никто бы не справился.

Т.Б.: То есть наука и образование — это решение не своих проблем, а решение проблем общества?

В.Л.: Конечно. Точно так же, как Иван Георгиевич говорил, я же это помню, Петровский, я тогда был мальчишкой, он говорил: «Не может быть научный сотрудник Московского университета, который не занимается и наукой и образованием, преподаванием». Поэтому у нас у всех в контрактах...

Т.Б.: Даже у научных сотрудников.

В.Л.: ...у всех записано: руководство дипломными работами, курсовыми работами, преподавание студентам, — и все это делается именно так. Только что был капустник очередной у нас, это настолько талантливо было сделано! Я думаю, что мало какой профессиональный...

Т.Б.: Артистический коллектив...

В.Л.: ...мюзикл или шоу, да, может такое сделать. Профессионально было: настолько высокая культура, настолько высокое качество исполнения. Просто фантастика, что ребята делали. Они это умеют, и это тоже традиция. Или Праздник химика, это тоже, я считаю, нравственная составляющая образования. Или та же клятва химиков. Она, безусловно, отражает... Это принято всеми деканами. А учителя что? Я помню, как та же Ольга Георгиевна Немкова сказала, что: «Кем вы хотите быть?» Я говорю: «Хочу быть учителем». Она говорит: «Слишком дорого стоит образование в университете, чтобы вы были учителем». Я говорю: «Ольга Георгиевна, а вы?» — «Я же преподаватель». — «Вы же меня учите», — я говорю. «Ну, это другое дело». (Смеется.)

Т.Б.: Как вы понимаете, Валерий Васильевич, научную этику? Что это для вас? Что за этим кроется?

В.Л.: Научная этика — необходимое качество в деятельности любого человека, который занимается наукой. Простой пример: в начале 1970-х годов — конце 1960-х я начал заниматься новым классом катализаторов на основе гидрирования интерметаллических соединений. У меня шло сотрудничество с рядом институтов Академии наук, с профессором Розовским, с профессором Лapidусом. Как-то я встречаю академика Эммануэля Николая Марковича, здороваюсь, он говорит: «Ну что нового?» Я говорю: «Да вот занимаюсь новыми катализаторами». Он говорит: «Ох, Валерий Васильевич, сейчас был доклад у нас на Президиуме Академии наук, о новых катализаторах, так интересно». Я говорю: «А кто делал доклад?» Он говорит: «Лapidус». — «Рассказывал про нитриды интерметаллических соединений?» Он говорит: «Да». — «И он не упомянул, что это моя проблема? Что я вот...»

Т.Б.: Как раз этим занимаюсь.

В.Л.: Да. Занимаюсь, уже много лет. А с ним мы только на основе окиси углерода и Фишера-Тропша

делаем, а так это широко рассказываем». Он говорит: «Да вы что?! Вы спросите у него». Я звоню: «Альберт, ну что ты?» — «Ой, я так волновался, Валера, забыл. Но я думаю, все знают, что это ты делаешь это, что я у тебя это взял».

Т.Б.: Ничего себе, все знают!

В.Л.: Да, это очень важно.

” И сейчас, когда наукометрические показатели стали важным фактором оценки деятельности, эффективности ученого, особенно важно, чтобы люди не забывали вспомнить друг друга...

Т.Б.: О том, на каких основах они стоят.

В.Л.: На чем стоят их научные достижения. Обязательно, потому что часто ссылаются наши ученые на зарубежных партнеров, но на своих забывают.

Т.Б.: Да, это очень важно.

В.Л.: Конечно. Понятно, что по фундаментальным проблемам есть всегда у нас великие предшественники, их нельзя забывать. Мы отмечали 150-летие Зелинского в прошлом году, 300-летие Ломоносова, как можно не отдать дань этим людям?

Т.Б.: И их достижениям.

В.Л.: И их вкладу в науку, в развитие науки и идей в наше время. Вот сейчас будет 150 лет Владимиру Ивановичу Вернадскому. Это настолько глобальный вклад человека в науку!

Т.Б.: И 100-летие Флёрова.

В.Л.: И 100-летие Флёрова. Элемент назвали именем Георгия Николаевича только что, он был открыт, синтезирован.

Т.Б.: Флёровий.

В.Л.: Да, флёровий. Мы целый лекторий большой открываем, посвященный Вернадскому. Вчера Виктор Антонович сказал, что будет торжественное заседание. Я просил его выступить у нас, он сказал: «Нет, мы сделаем торжественное заседание, пригласим геологов, всех, потом вы продолжайте». 20 февраля, думаю, это будет, в Доме культуры, и это обязательная дань памяти.

Т.Б.: А почему, вы считаете, это важно именно для молодежи?

В.Л.: Потому что молодежь должна знать, откуда что идет, откуда идут идеи. О той же ноосфере. Это же придумал не кто-то из нас, это обосновал Вернадский. Или Александр Евгеньевич Ферсман. У нас была в сельской библиотеке единственная книжка научно-популярная «Наука о камне». Я ее читал много раз. Нельзя недооценить его влияние на отношение к химии.

Т.Б.: На увлеченность наукой.

В.Л.: На отношение к геологии. Есть геохимия, есть геофизика, есть такие пересекающиеся области знания, которые помогают человеку двигаться. У меня сейчас внучка в десятом классе, она говорит: «Дедушка, я хочу заниматься энергоносителями новыми, альтернативными. Куда мне идти? На физический факультет, на химический или куда?»

Т.Б.: Хороший вопрос.

В.Л.: Я говорю: «Юлечка, сложно тебе рассказать, но я расскажу обязательно». (Смеется.)

Т.Б.: Вообще это вопрос, к которому подготовиться нужно.

В.Л.: Я тут как раз готов, потому что мы занимаемся много этим. Вот такие дела. Учитель определяет все.

О научной миграции

Т.Б.: Как вы относитесь к научной миграции, которая получила распространение в последнее время? И она разная: кто-то уезжает, студенты по обмену ездят. Разные аспекты научной миграции. Каково ваше отношение?

В.Л.: Знаете, когда говорит наш новый министр о том, что мы пригласим ведущих ученых из-за рубежа — это хорошо, но это хорошо в решении частных проблем.

Если говорить о будущем науки, то ее должны обеспечивать наши, российские ученые. У нас таких людей много.

Если нашим студентам, защищающим диссертации, аспирантам соответственно тоже, предложить...

Т.Б.: Нормальную зарплату.

В.Л.: Нормальные условия для работы и деятельности, нам не надо никого из западных. Они могут приехать, почитать лекции, и мы будем благодарны. Поэтому государство должно заботиться о лучших представителях нашей науки, нашей молодежи. Пока государство этим не занималось. Даже если сказать, что ЕГЭ открыл доступ в Москву, в Санкт-Петербург представителям всей страны. Он всегда был открыт для тех, кто интересуется серьезно наукой.

Т.Б.: Да, и через олимпиады.

В.Л.: У меня 90% аспирантов — иногородние, они защищают блестяще диссертации. Куда им деваться? Я могу оставить одного-двух на факультете, и то они будут мучиться лет двадцать по общежитиям. А других условий нет. Когда уезжают, они выбирают нормальные условия для будущей деятельности.

Т.Б.: Да, и не только зарплату: это оборудование, это условия работы.

В.Л.: Конечно, они могут прийти ночью на спектрометры.

Т.Б.: Померить...

В.Л.: Померить сами, у них это все четко спланировано. Я отношусь спокойно к этому. С большим сожалением, но спокойно.

Т.Б.: Да, потому что причина понятна.

В.Л.: Да, причины понятные. Пока государство не уделит этому внимание... В последние годы — да: стипендии для молодых, гранты, мой первый грант РФФИ. Внимания уделяется все больше и больше, и дай бог, чтобы это развивалось.

Т.Б.: Да, в нужную сторону. И потом, наверно, хорошо, что начинаются студенческие обмены, возможность для студентов поехать.

В.Л.: Это уже давно, и слава богу. С университетами Франции, и Америки, и Австрии.

Т.Б.: Да, потихонечку это расширяется...

В.Л.: У меня там человека четыре или пять защитились. Кто-то в Вене, кто-то в Париже. А если взять

по факультету в целом, то это сотни ребят.

Т.Б.: Да, уже, так сказать, побывали, поработали.

В.Л.: Я вот был в начале мая в Лондоне, и пригласили меня на оперу в Ковент Гарден, и когда закончилось, я пошел получать одежду в гардеробе, вышел парень и говорит: «Валерий Васильевич, как вы здесь оказались?» Я говорю: «Корольков, а как ты сюда попал?» — «А вы что, меня помните?» — «Конечно помню, ты был аспирант у Лисичкина, пять лет назад защищался у меня на совете, ну, может, шесть лет назад». Он говорит: «И это помните?» — «И это помню». А я, говорит, уже пять лет работают в университете в Ноттингеме. «Ноттингем, — говорит, — филиал химического факультета».

Т.Б.: Там он не один, да?

В.Л.: Нет, там десятки наших. Хорошо-хорошо, потом девочка подходит из лаборатории кинетики и катализа. Я говорю: «Оля, а у вас как дела?» — «Валерий Васильевич, а я в Оксфорде второй год PhD». «А Анечка Луговая?» — «Анечка тоже здесь, вы же ее в Кембридж в прошлом году послали». Она наша была, с отличием все закончили. И наших все готовы забрать, вот ведь в чем печаль!

Т.Б.: А на ваш взгляд, стоит этому противодействовать или здесь ничего нельзя сделать?

В.Л.: Противодействовать не нужно совершенно, нужно расширять государственную поддержку, решать жилищные проблемы, и никто никуда не поедет.

Т.Б.: Ну да.

В.Л.: Пожалуйста, на конференциях там посидите, поработайте, как во всем мире. Это очень важно.

Как информационные технологии влияют на науку

Т.Б.: А как вы относитесь к новым возможностям? Может быть, какие-то недостатки...

В.Л.: Вы знаете, сколько мы уже проговорили? (Смеется.)

Т.Б.: Да, знаю. ...которые вносят новые информационные технологии обучения в науку. Как вы к этому относитесь? С одной стороны, это положительно...

В.Л.: Да, это очень положительно, конечно, но здесь должны быть некие этические нормы, которые бы определяли пределы этого взаимодействия. Ведь есть ребята, которые имеют доступ в общежитии круглосуточно к компьютеру. Они перестают ходить на занятия, хотя это очень толковые люди.

” В итоге они погрязают в этой информационной пучине. Еще эти страницы с мусором, мощным мусором.

Т.Б.: Ну и потом корректность информации...

В.Л.: Во всем есть, как говорится, и плюсы и минусы, так и здесь. Например, у меня две внучки. Им строго регламентировано время работы.

Т.Б.: Да, заходы на компьютер.

В.Л.: И в интернет. Строго. И потом я им объясняю про ту девочку из Твери, которая делала сообщения на конкурсе лучших школьных работ «Влияние смс на чистоту русского языка», я об этом везде рассказываю.

Т.Б.: Да, кстати.

В.Л.: Я не представлял, пока не послушал то, что она рассказывала. И теперь я понимаю — это проникает даже в тот же капустник. Они говорят: «Неорга» — это значит неорганическая химия.

Т.Б.: Кристы — это кристаллохимия. (Смеется.)

В.Л.: Надо требовать, чтобы человек читал. Тогда это не будет так влиять, а если он целиком в это погружается, получается Эллочка Людоедка.